

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ | Память, как рана...

Крещение огнем

Герой Советского Союза Владимир Митрофанович Игнатъев родился в 1921 году (по документам — в 1920 г.) в селе Пружинки, что в двадцати километрах от Липецка. Его фронтовой путь начался в августе 41-го. Тогда он был рядовым сапером. День Победы встретил командиром взвода. Служил в инженерных войсках. Воевал под Днепропетровском, Ворошиловградом, на Орловско-Курской дуге, освобождал Киев, форсировал Днепр, Прут, Дунай, брал Бухарест, входил в Белград, участвовал в разгроме одиннадцати танковых дивизий фашистской Германии в районе венгерского озера Балатон, дошел до Австрийских Альп. В Государственном архиве Липецкой области хранятся воспоминания Игнатъева о пережитом. Вот небольшой их фрагмент.

Память солдата, как его раны. Время затягивает их жесткими, синеватыми с шелухой рубцами. В настояще они ноют, дают о себе знать. Войну я вижу наяву и во сне. Очнешься, смахнешь холодный пот, отгонишь кромешный ад, а потом не можешь заснуть.

Труден и горек труд воинов инженерных войск, труд солдата-сапера. Тяжелая осень сорок первого. Горький октябрь. Горький — от дыма спаленных городов и деревень. Горький — от горечи наших поражений на фронтах.

Против войск Южного фронта, в состав которого входил наш 85-й отдельный саперный батальон, враг бросил огромную армию. Под натиском превосходящих сил врага армия Южного фронта, неся большие потери, вынуждена была с тяжелыми боями отходить на восток и юго-восток. Вражеские войска стремительно продвигались к Харькову, Донбассу, Ростову.

Наш батальон прикрывал отход войск на новые рубежи, отступал последним. Мы подрывали мосты, делали завалы, устанавливали минные поля на танкоопасных направлениях, действовали в группах истребителей танков. В конце октября наш саперный батальон был придан стрелковой дивизии, занявшей оборону севернее Каменска. Нам предстояло выполнить большой объем инженерных работ по укреплению обороны.

Сооружались дзоты, противотанковые минные поля. Район подвергся налетам вражеской авиации. Утром 30 октября немецкие самолеты нанесли мощный удар по нашей обороне — сбросили сотни бомб, обстреляли позиции из пушек и пулеметов. Справа от разрыва бомб, метрах в 50-ти от окопа, где укрылось наше отделение, образовались две крупные воронки. Ход сообщения между отделениями был разрушен. Под толщей земли погребены пехотинцы и

саперы. Уцелевшие уносили раненых в укрытие, убитых закапывали на месте гибели.

Слышим далекий гул моторов. Мы прижались друг к другу в окопе. Гул моторов приближался. На шоссе появились фашистские танки — большие, черные, с белыми крестами на бортах. Из люков выглядывали танкисты в шлемах и кожаных куртках. В клубах желтоватой пыли, позади танков, двигались грузовики с мотопехотой, за грузовиками — мотоциклисты с автоматчиками. Я вспомнил родных, свою короткую жизнь, плотнее вжался в окоп. В висках звенело.

Страшно... Ух как страшно.

Вдруг за деревней из-за наших спиц ударила наша артиллерия. Снаряды падали на шоссе, взрываясь, поднимали фонтаны земли. Фашистские танки открыли ответный огонь. Содрогалась земля. Пахло толом и дымом.

Как я слышал от фронтовиков, да и самому не раз пришлось это пережить, что страшнее фашистского танка в бою ничего нет. Это действительно так, но в первом бою страх у меня вызвали не бронированные чудовища, извергающие из пушек и пулеметов шквал огня, сметающего все живое, а фашистские автоматчики в зеленых мундирах, рогатых касках, с воронеными автоматами на животе. Справа от нашего окопа, метрах в 80-ти, не то подорвался на минах, а может, был подбит нашей артиллерией, горел фашистский танк. Столб черного дыма падал на шоссе.

Чем больше я смотрел на немцев, тем больше одолевали меня дрожь и страх. Отделившись от танка, фашист шел в направлении нашего окопа на меня. Ещё немного и — он покончит со мной. Я, взяв себя в руки, начал стрелять. Фашист вдруг упал, потом за ним свалился еще один. Я преодолел страх и радостный стал орать не-

истовым голосом: «Бей фашистов! Круши гадов!». И ещё что-то орал, скрипя зубами, зверея от того, что фашисты падали от наших дружных и метких выстрелов.

Разорвался вражеский снаряд, осколок угодил мне в кисть левой руки. Брызнула фонтаном кровь. Я сжал раненую ладонь правой рукой. Тут же почувствовал острую боль в ладони правой руки. Я отдернул ее от раны. Из обеих рук струилась кровь. Я закричал: «Санитара! Скорей санитар сюда!».

Ко мне подполз Середа, сапер нашего отделения, достал из вещмешка индивидуальный пакет, раскрыв его, хотел перевязывать окровавленную ладонь, но замешкался, видимо, соображая, как лучше поступить. Я, не раздумывая, поднес раненую руку ко рту, зажав руками вражеский осколок, мигом извлек его из кисти руки. Кровь брызнула ещё сильнее.

Середа перевязал мне обе руки, сказав: «Ты, Володя, наверное, отвоёвался». Но он ошибся: за войну меня ещё два раза ранило. К осколку, который я не вытащил, кроме извлечен-

”

Войну я вижу наяву и во сне. Очнешься, смахнешь холодный пот, отгонишь кромешный ад, а потом не можешь заснуть.

ного зубами, добавилось еще пятнадцать осколков, которые сидят во мне по сей день, напоминая не только первый бой, но и последующие на полях минувшей войны.

...Смеркалось. Бой утихал. Доносились отдельные взрывы снарядов. Глухо стучал короткими очередями станкач. Изредка вспыхивали осветительные ракеты врага.

Прибыли санитарные повозки. На них уложили тяжелораненых. Кто мог самостоятельно передвигаться, тех выстроили за повозками. Я шел с перевязанной левой рукой, подвешенной бинтом за шею. Правая рука тоже перевязана, но я изредка брался ею за повозку. Рука ныла, боль отдавалась в плече. Волнение не улеглось. Ведь совсем недавно я был в кромешном аду. Счастличик, думал я, что остался жив. Многие остались на поле брани, такие же юнцы, как и я.

Я шел, рука ныла, теснилась грудь, вздыхал украдкой, хмурился сурово. «Белоруссия родная, Украина золотая, наше счастье молодое, мы штыками стальными оградим!». Да, распевали перед войной, разлюбленная была строевая песня. Я слышал её не раз в Липецке, в авиагородке. Но Белоруссии и Украины мы не оградим. Стальных штыков оказалось мало. Нужно было больше танков и самолетов. Петь легче, чем воевать. Эта истина проявилась в моем первом бою...

Елена Щукина,
начальник архивного отдела
использования и публикации документов
Государственного архива
Липецкой области

